

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине

«Смерть каждого крупного общественного деятеля на том или другом поприще вызывает в обществе интерес не только узнать биографию покойного, прочесть, так сказать, его формуляр, а ознакомиться со всеми мельчайшими деталями его жизни. Это подтверждается тем, что всегда по смерти такого лица в обществе начинают циркулировать всевозможные анекдоты из его жизни, припоминаются его слова, поступки, мелкие эпизоды из его домашнего быта...»

**Николай Васильевич
Успенский
Из воспоминаний о М. Е.
Салтыкове-Щедрине**

Смерть каждого крупного общественного деятеля на том или другом поприще вызывает в обществе интерес не только узнать биографию покойного, прочесть, так сказать, его формуляр, а ознакомиться со всеми мельчайшими деталями его жизни. Это подтверждается тем, что всегда по смерти такого лица в обществе начинают циркулировать всевозможные анекдоты из его жизни, припоминаются его слова, поступки, мелкие эпизоды из его домашнего быта и т. п.

Ввиду этого я считаю далеко небезынтересным и нелишним поделиться с читателями хотя несколькими воспоминаниями о такой выдающейся личности, о таком колоссальном таланте и гениальном писателе, каким был покойный Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин[1].

Я уверен, что читатели не посетуют на меня за предлагаемые отрывочные воспоминания о великом сатирике...

Чем богат – тем и рад!..

* * *

В одном из своих очерков М.Е. вывел тип государственного деятеля, который не столь-

ко радел о деле, как заботился о том, чтобы все думали, что он делает дело. Окна кабинета этого деятеля выходили на улицу, по которой то и дело ездили всевозможные чины различных ведомств. Для того чтобы проезжающие думали, что он все ночи напролет занимается делами, деятель никогда не тушил по ночам в своем кабинете лампы, хотя сам в это время даже мысленно не присутствовал за письменным столом.

Одно из высокопоставленных в служебной иерархии лиц узнало себя в этом очерке. Случай вскоре свел их с Щедриным с глазу на глаз.

– А, Михаил Евграфович! – обратилось к Щедрину лицо, – очень рад вас видеть! Читал, батенька, читал ваш рассказец! Подали вы меня под красивым соусом! Ну, а теперь под каким еще соусом намереваетесь вы меня подать?

– Ах, ваше сиятельство! – отвечал Щедрин. – Вы и без всякого соуса слишком хороши...

Михаил Евграфович был чрезвычайно мягким, добрым и глубоко симпатичным челове-

ком, хотя почему-то многие считали его человеком грубым, несправедливым и даже эксплуатировавшим своих сотрудников. Напротив, он всеми силами поддерживал начинающих писателей, раз только замечал в их произведениях хоть проблески таланта или дарования. Над чужими рукописями он работал едва ли не больше, чем над своими собственными. Часто он выпускал совсем то или другое действующее лицо, бывшее, по его мнению, совершенно лишним в рассказе, и тогда ему приходилось пересмотреть и переработать все произведение от начала до конца. Благодаря этой переработке возникали очень курьезные недоразумения. Читатели, находившие произведения того или другого писателя на страницах «Отечественных записок» прекрасными и занимательными, с удивлением замечали, что произведения того же писателя на страницах других изданий оказывались бездарными и скучными. Писатели, получившие было имя благодаря переделке их произведений Щедриным, с прекращением «Отечественных записок» словно в воду канули.

С посетителями М.Е. обнаруживал необыкновенное благодушие, хотя между ними попадались люди положительно невыносимые.

Однажды на квартиру к нему явился какой-то господин и отрекомендовался автором одного ученого исследования и врачом.

Между ними произошел следующий разговор:

– Что вам угодно? – спросил М.Е.

– Нет, что вам от меня угодно? – переспросил врач.

– От вас мне ничего не угодно.

– Зачем же вы хотите меня описать? – возразил тот.

– Да объясните наконец, в чем дело?! – закричал Щедрин. Дело оказалось в том, что врач бросил девушку, с которой жил, а та пригрозила ему пожаловаться Щедрину, с которым она будто бы знакома, и сказала, что он «разделает коварного изменника».

Бедный врач до того перепугался этой угрозы, что прибежал оправдываться перед Щедриным и просил не губить его.

Разумеется, М.Е. успокоил ученого исследователя на этот счет.

Однажды М.Е. добродушно посмеивался над гимназией, в которой училась его дочь, директором которой состоял покойный А.Я. Герд, беседовавший в это время с Щедриным.

– Какие у них темы для сочинений даются! – говорил М.Е., кивая на Герда. – Просто уму непостижимо! Не угодно ли, например, написать сочинение «О пустыне и море»! Да ни одна из учениц не видела отродясь никакой пустыни, а вместо моря видела только Маркизову лужу (устье Невы), – вот и сочиняй. А то не угодно ли описать Аничков мост! Получив эту тему, ученицы целого класса явились на Аничков мост изучать его для сочинения и только городских, стоявших на мосту, в крайнее смущение ввели. Я даже сам попробовал написать сочинение для вашего учителя, – заключил М.Е., обращаясь к Герду, – и ничего, слава Богу, получил за свое сочинение тройку!..

Вместо биографии покойного М.Е.[2] приведем собственные слова усопшего, внесенные им в «Альбом „Русской старины“» в виде краткой биографии:

1. «Салтыков Михаил Евграфович, ро-

дился 15 января 1826 года, воспитывался в Царскосельском лицее, откуда вышел в 1844 году. Начал службу в канцелярии военного министерства, продолжал в вятском губернском правлении с апреля 1848 года, возвратился в Петербург в январе 1856 года. Первая повесть в „Отечественных записках“ в 1847 году, N 11, „Противоречие“. Умер... 1874 г.».

II. «Я родился 15 января 1826 года, Тверской губернии, Калязинского уезда, в селе Спас-Угол. Десяти лет поступил в московский дворянский институт, а оттуда переведен в Царскосельский лицей. Там я начал писать стихи, за которые был часто наказываем; там же начал и печатать их. Сколько помнится, первое мое напечатанное стихотворение „Лира“ было помещено в „Библиотеке для чтения“ 1841 или 1842 года; затем я печатал стихи в „Современнике“ Плетнева. После выхода из лицея (в 1844 году) стихов больше не писал. Затем служил и писал, писал и служил до 1848 года, когда был сослан на службу в Вятку за повесть „За-

путанное дело“. Прожил там почти 8 лет и служил, но не писал.

В 1856 году возобновил литературную деятельность „Губернскими очерками“ и вплоть до 1868 года писал и служил, служил и писал. В 1868 году совсем оставил службу и окончательно отдался литературе. Написал 22 названия книг. В последнее время, одержимый тяжким недугом, ожидаю смерти.

М. Салтыков.

21 сентября 1887 года».

Примечания

Все повествуемое в настоящем очерке составлено на основании слов и рассказов лиц, близко знавших М.Е. Салтыкова и бывших свидетелями сообщаемых фактов.

[^^^]

М.Е. Салтыков-Щедрин умер 29 апреля 1889 г.
от закупоривания артерии.

[^^^]